

ФРЕДЕРИК СУЛЬЕ

Мемуары Дьявола

Том 7



Магистраль. Главный тренд

Фредерик Сулье

Мемуары Дьявола. Том седьмой

«ЭКСМО»

1838

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Сулье Ф.

Мемуары Дьявола. Том седьмой / Ф. Сулье — «Эксмо»,
1838 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-256535-9

Седьмой том мистического романа «Мемуары дьявола». В парижских салонах Луици сталкивается с последствиями своих первых интриг. Он встречает опороченную им Софи (ныне Лауру де Фаркли), судьба которой разрушена его вмешательством. У него есть возможность все исправить, но эгоизм берет верх, толкая женщину на смертельный шаг. Барон узнает, что его дальние родственники тоже опутаны сетями лжи.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-256535-9

© Сулье Ф., 1838
© Эксмо, 1838

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Фредерик Сулье
Мемуары Дьявола
Том седьмой

Frédéric Soulié
LES MÉMOIRES DU DIABLE

© Трынкина Е. В., перевод на русский язык, 2025

© Пахсарьян Н. Т., статья, комментарии, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава I

Продолжение предыдущей главы

Дверь распахнулась, и вбежала госпожа де Серни¹.

Сатана во второй раз отступил от обычного порядка, принятого с Луицци, и остался в углу комнаты. Арман, уже готовый встать на колени перед своим рабом, распрямился и бросился к Леони, как испуганный ребенок к матери. Если бы страх, который охватил его, не сдавил ему горло, то Арман, несомненно, громко кричал бы, моля Леони о помощи, но он не мог ни произнести хоть слово, ни отвести взгляд от того угла гостиной, где неподвижно и зловеще застыл Дьявол.

– Арман, Арман, я слышала, как вы говорили с кем-то, спорили, мне показалось, вы не одни, однако здесь никого нет, равным счетом никого. – Леони беспокойно оглядывалась.

Луицци, несколько оправившись от страшного волнения, ответил:

– Никого, в самом деле никого, только угрызения совести, которые пожирают меня, только дьявольские мысли, которые овладевают мной.

Уловив глубочайшее отчаяние в дрожащем голосе барона, Леони печально взглянула на него, затем приложила свою белую и прохладную руку к бледному и пышущему жаром лбу Луицци и нежно проговорила:

– Арман, если прошлое для вас так ужасно, постарайтесь не думать о нем и обратите свой взор в будущее.

Дьявол захохотал, а Луицци содрогнулся.

– Увы, – Леони заметила движение барона, – боюсь, будущее страшит вас не меньше, чем прошлое, похоже, вы впали в отчаяние, предвидя его.

Луицци хотел успокоить Леони, но неожиданно за окнами раздался крик:

– Они здесь, я узнал голос графини.

Дверь, которая вела во внутренние помещения гостиницы, тут же отворилась, и на ее пороге возник господин де Серни в сопровождении комиссара полиции и двух жандармов.

– Вот обвиняемая и ее сообщник. – Граф указал сначала на свою жену, а затем на Армана.

Жандармы приблизились к госпоже де Серни. Строго и с достоинством она первая обратилась к ним:

– Не трогайте меня... Я пойду за вами.

– Тогда возьмите господина, – приказал комиссар, указав на барона².

Арман, растерявшись от вихря чувств и событий, оглянулся, как бы ища оружие, с помощью которого он мог бы защитить Леони и себя, но увидел лишь, как, дико сверкнув глазами, Сатана медленно поднял руку и указал на дверь в комнату Леони.

Не трусость и не расчет толкнули барона к этой двери, не низкое желание бросить Леони, не надежда, что он сможет ей помочь, если будет на свободе, а не в тюрьме: то был неосмысленный и невольный порыв, один из тех порывов к спасению, которые так неодолимо увлекают человека, находящегося в опасности, – в общем, тело Армана бросило его вон из гостиной.

¹ Дверь распахнулась, и вбежала госпожа де Серни. – Ф. Сулье использует здесь чисто театральный прием: фраза выглядит ремаркой из пьесы. Театральный эффект усиливается и тем, что появление героини спасает Луицци в самый последний момент, когда тот уже готов сдаться Дьяволу окончательно.

² ...приказал комиссар, указав на барона. – А. Ласкар отмечает, что в романах 1830–1850-х годов сцены, когда муж застает любовников, довольно часты, однако они редко завершаются вмешательством полиции.

Ворвавшись в комнату Леони, барон увидел другую дверь, которая тоже оказалась не заперта, выскочил через нее на узенькую лестницу, быстро спустился, очутился во дворе, пересек его, выбежал на улицу и, как бы подталкиваемый высшей силой, побежал куда глаза глядят, пока не пересек весь город и не опомнился на большой дороге.

Ночь была темна, улицы пустыньны.

Видимо, только поэтому барону удалось скрыться, уже в двадцати шагах от гостиницы он был недостижим для жандармов, но даже если бы кто-то и встретил бегущего с непокрытой головой человека, то, несомненно, принял бы его за сумасшедшего или вора.

Когда наконец усталость взяла свое, барон остановился и сел у края дороги на одну из тех куч дорожных камней, которые постоянно напоминают путникам о том, что местные власти неустанно заботятся о состоянии дорог, тогда как выбоины на тех же дорогах дают понять, что их не ремонтируют никогда.

Прошло некоторое время, прежде чем Луицци, сидя на своем странном сиденье, почувствовал, как начало стихать бешеное биение его сердца, возбужденного долгим бегом. Он еще не мог думать, он слишком запыхался, чтобы на чем-нибудь сосредоточиться. Боль в легких мешала ему. И только когда воздух стал более или менее свободно проникать в грудь, Луицци начал приходить в себя, мысли завихрились в его голове. Увидев себя посреди большой дороги, он вспомнил о Леони, которую только что бросил одну, без защиты, оставил в лапах мужа, на потеху его злобе, и одновременно устыдился и ужаснулся самому себе.

Полный решимости, он поднялся, чтобы вернуться в Орлеан, но, как только сделал первый шаг, услышал голос, зазвучавший из темноты:

– Глупец!

Луицци обернулся и увидел Сатану, который сменил облик Акабилы на нечто менее вычурное. Теперь Дьявол облачился в дорожное платье, если можно так назвать тот обыкновенно жалкий и невзрачный костюм, который мы носим во всех случаях жизни. Тем не менее его сюртук был застегнут до самого подбородка, длинные сапоги на меху поднимались выше колен, просторное пальто «летучая мышь» свисало с плеч, а кепка с опущенными на уши отворотами заменяла ему тот бесформенный кусок черного фетра, который именуется шляпой.

Луицци, слишком недовольный собой, нуждался в ком-то, на кого он мог свалить вину за собственное недостойное поведение, поэтому, едва узнав Дьявола по блеску зрачков, горевших бледно-зеленым светом, барон вскричал:

– Кто звал тебя, раб?

– Ты.

– Ложь!

Дьявол повернулся спиной к Луицци и холодно ответил:

– Вы сошли с ума, господин барон.

– Да... да, правда, я звал тебя, но не здесь, и я не просил тебя следовать за мной.

– Вы приказали мне удалиться?

При этих словах Луицци почувствовал, как им овладевает то неумное бешенство, что требует выхода в насилии. Да, в тот момент он многое бы дал, чтобы это бесстрастное существо оказалось просто человеком, с которым можно драться, которого можно избить и который может дать сдачи; но Арман знал, что бессилен перед своим жутким слугой, чувство бессилия удвоило его ярость, и она, не находя иного выхода, обратилась на него самого. Ударив себя в грудь, барон принялся кричать:

– О, какое я ничтожество!

– Глупец, – не моргнув глазом повторил Дьявол.

– Трус!

– Глупец!

– О, сумасшедший, я в самом деле сумасшедший!

– Глупец, в самом деле глупец! – не отставал Дьявол.

– Сатана, – рассвирепел Луицци, – берегись, Сатана, я тебя предупреждал. Я свяжу тебя по рукам и ногам, ты еще пожалеешь о потраченном со мной времени, тысячи жертв ускользнут от тебя, пока ты будешь торчать подле меня.

– Ладно, ладно, – смирился Дьявол, – куда мы направляемся?

– В Орлеан.

– Пошли.

И они тронулись в обратный путь.

– К кому мы идем? – Дьявол щелкнул ногтем большого пальца по переднему зубу, высек искру и зажег трубку очень странной формы; ее головка отличалась огромными размерами и сидела на длинной и гибкой, закрученной вокруг собственной оси ножке. Луицци не удержался и стал рассматривать трубку. Дьявол заметил это и сказал:

– Ты обратил внимание на мою трубку, она того стоит. После того как готическая архитектура вышла из моды, мне захотелось использовать маленькие детали, которые она приписывала моей особе, и я соорудил себе трубку из собственного хвоста и рогов.

Бывают столь безумные идеи, против которых никто не способен устоять: они так грубы и неожиданны, что вызывают конвульсивный смех подобно щекотке, которая заставляет хохотать человека, испытывающего даже самые острые страдания. Луицци тоже не удержался от смеха, а Дьявол, невозмутимо посасывая собственный хвост, повторил:

– Так куда же все-таки мы идем?

– Искать Леони.

– Тогда нам лучше срезать по этой дороге, которая приведет нас прямо к дому, где заключены умалишенные и женщины легкого поведения.

– Леони в тюрьме с женщинами легкого поведения! – вскричал барон.

– Поскольку муж приказал ее арестовать, то, вероятно, для того, чтобы отправить в тюрьму; поскольку ее отправили в тюрьму, то не могли поместить с ворами и убийцами.

– О! Леони! Леони! Что же делать? – Барон остановился в отчаянии и полной растерянности.

Дьявол в свою очередь уселся на груды камней, скрестил ноги и, посасывая трубку одним уголком рта, принялся насвистывать другим:

Всегда я – баловень у дам,
Был с женами любезен,
Но, каюсь, я грубил мужьям...³

– Сатана! Сатана, замолчи! – Луицци рассвирепел от бестактности Дьявола, который, казалось, смеялся над его горем.

– Это старая комическая опера, – Дьявол принял сочувствующий тон, – но раз она тебе надоела, вот нечто совсем свеженькое:

Пусть золото химерой служит,
Кто им владеет, тот не тужит⁴.

³ *Всегда я – баловень у дам, / Был с женами любезен...* – куплет из комической оперы Пикара «Визитандинки». «Визитандинки» – комическая опера Л.-Б. Пикара на музыку Девьена. Ее премьера состоялась 7 июля 1792 года. Опера шла под названием «Девичий пансион», затем – «Французы в серале». Приведенный куплет действительно был очень популярен в XIX веке.

⁴ *Пусть золото химерой служит...* – Источник этой и следующей («Я все потерял...») цитаты установить не удалось.

Луицци давно свыкся с Дьяволом, и потому неудивительно, что он особым образом воспринимал его слова, какими бы странными они ни казались в подобных обстоятельствах. Не успел Дьявол закончить куплет, который мы процитировали, как барон уже быстро ощупывал все свои карманы. У него не нашлось ни одной, даже самой мелкой монеты. Вызванная этим досада вдобавок ко всем его злоключениям вновь вызвала раздражение, дошедшее вскоре до крайности, когда он услышал, как Сатана, который, похоже, был большим знатоком комической оперы, вновь запел с неизменным хладнокровием:

Я все потерял, ничего не боюсь,
И в жизни уже ни к чему не стремлюсь.

Луицци почувствовал, как им овладевает жуткое бешенство; если бы в тот момент в его руках оказался пистолет, он, несомненно, разнес бы себе голову, но он был безоружен; тогда барон стал вглядываться в острые камни, на которых расположился Дьявол, как бы выбирая тот, о который он мог бы разmozжить свою голову, и вдруг почувствовал, как кто-то легонько потянул его за рукав.

Почти в ту же секунду детский голос произнес:

– Наконец-то я нашла вас.

Луицци обернулся и, несмотря на темень, узнал маленькую нищенку.

– Дитя мое, это ты, – живо воскликнул Арман, – кто тебя послал?

– Госпожа.

– Где ты ее видела?

– Я стояла у лестницы, когда она спускалась. То, что случилось, разбудило весь дом, все выскочили на улицу; госпожу провожал господин в шарфе. Когда она увидела меня, то сказала ему: «Это ребенок, бедная нищенка, я привела ее с собой, потому что хотела взять под свою опеку; позвольте мне сделать девочке последний подарок, который по крайней мере на некоторое время избавит ее от нужды». Господин в шарфе кивнул в знак согласия, а жандармы вернулись и сказали, что не нашли вас. «Я знаю, куда он пошел», – тихо сказала я госпоже. «Слава богу! – ответила она. – Тогда найди его, найди скорее, отдай это и передай, что я арестована и чтобы он не возвращался в Орлеан, а отправлялся в Тулузу, как мы условились. Я найду способ связаться с ним».

Девочка протянула Луицци кошелек, в котором оставалось немного того золота, что он получил от Анри.

– А как же она? – спросил барон у маленькой нищенки.

– Она? Она добавила: «Скажи ему, что завтра я напишу моему отцу и что мне нечего опасаться; скажи, что ты вместе со старым слепым солдатом дождешься здесь его сестры, госпожи Донзо, и что вы попросите ее тайно перебраться в Тулузу». Тут этот господин в шарфе подошел к нам и велел поторапливаться, и она оставила меня. Тогда я пошла по дороге все время прямо, я думала, что в том состоянии, в каком я вас видела, когда вы пробежали мимо меня, вы никуда не свернете.

– И так ты меня догнала?

– Если я правильно поняла последний взгляд, который бросила мне госпожа, то она ждет вашего ответа. Что мне ей передать?

– Что я последую ее советам, что скоро вернусь и освобожу ее. Ты все поняла?

– Да, и я повторю ей слово в слово то, что вы мне сказали.

– Передай ей также, – продолжил Луицци, – что только мгновенное умопомрачение толкнуло меня...

Дьявол захихикал, и Луицци, поняв, как ничтожны подобные оправдания и объяснения с женщиной, которая ради него так просто и благородно выказала столько мужества, резко оборвал собственную речь, а затем продолжил:

– Скажи, что я спасу ее, даже ценой собственной жизни.

– Я передам, – кивнула нищенка.

– Но как же ты проберешься в тюрьму?

– О, проще простого. – Девочка повернулась, чтобы уйти.

– Ты кого-нибудь знаешь там?

– Нет, но я знаю, как попасть в кутузку, не сомневайтесь.

– Но это же невозможно, ты не представляешь, как строга там охрана.

– О! – Девочка отошла уже на несколько шагов. – Я думала над этим все время, пока бежала за вами... и я придумала.

– Но как же?

– Украду.

И она исчезла. Пока Луицци стоял, ошарашенный наивным ответом девочки, Дьявол выпустил огромный клубок дыма и заговорил:

– Тогда соберется дюжина мужчин: прежде всего колбасник, чье представление о морали сводится к тому, что прохожие не должны брать колбасы, вывешенные у входа, не уплатив; обязательно перекупщик лошадей, который на собственном опыте постиг, что строптивых животных можно укротить кнутом и побоями; френолог⁵, который докажет предрасположенность к воровству в поступках данного ребенка; с фланга их поддержит кондитер, который будет счастлив, вернувшись домой, заявить своей дочери, таскающей у него сладости: «Если не будешь умницей, я отправлю тебя на каторгу, как нынче маленькую нищенку»; добавь туда адвоката, которому надобно лишь убедиться, что он угадал, какую статью применит суд; еще одного или двух болванов, уверенных, что они должны сказать «да» или «нет» по существу дела, не задумываясь, к чему приведет их решение; не забудь пять или шесть дельцов или торговцев, торопящихся закончить дела судебные, чтобы заняться своими. Скажи этой компании, что они называются присяжными и что в их руках здоровье общества, вообрази, что в двух словах ты дал им разумные представления о справедливости, и вот: они приговорят бедного ребенка к заключению, а значит, к пороку, за самый благородный поступок, на который когда-либо вдохновляла признательность.

– Но у девочки будет адвокат, который защитит ее.

– Нет денег – нет адвоката, мой господин!

– По закону каждому обвиняемому положен защитник.

– Да, назначенный защитник, неопытный новичок, причем самый неопытный из всех; поскольку, если бы речь шла об отравителе, сгубившем трех или четырех человек, о матери, убившей своих детей, или о сыне, задушившем собственного отца, если бы речь шла, наконец, о каком-то отвратительном преступлении, то у дверей темницы выстроилась бы очередь, чтобы заполучить от тюремного смотрителя защиту по такому славному дельцу! Но из-за ребенка, который украл хлеб или пару сабо, да кому это надо? Не говоря уж о гонораре, какую славу это принесет? Какой наплыв прекрасных дам и зевак привлечет такое дело в суд? Никто не станет им заниматься, включая тебя, мой господин, который воспользуется этим преступлением!

– Беспощадный насмешник! – воскликнул барон. – Ты мнишь себя сильным, потому что нападаешь на разрозненные пороки общества: с этим ремеслом дюжина мелких глашатаев либеральной школы справлялась лучше тебя!

⁵ *Френолог* – человек, распознающий душевные свойства человека по строению его черепа. Учение о френологии было выдвинуто австрийским анатомом Ф.-И. Галлем и пользовалось популярностью в первой половине XIX века.

– И это ремесло одним-единственным словом уничтожили двадцать дурных глашатаев противной школы.

– Значит, принципы, которые ты защищаешь, оказались слишком слабы, если рухнули от одного только слова!

– О! Дело в том, что в твоей высокообразованной стране это слово всемогуще, господин барон!

– И какое же это слово?

– Старо! Крикните самому передовому человеку столетия: «Э-э! Вот уже двадцать лет вы повторяете одно и то же; это устарело, надоело, хватит переливать из пустого в порожнее, и тот, кого не смогли заставить замолчать самые ловкие критики, замолкает от одного слова, произнесенного самодовольным пустозвоном. Это *ultima ratio*⁶ всех глупцов. Ваше искусство, политика, философия – все ему подчинено. Двадцать-тридцать лет жизни для каждой школы – вот максимум, затем появляется новая, а чаще всего обновленная старая, которая доживает до того же унижительного приговора. Мне, вечному зрителю периодических восторгов и презрения к одним и тем же идеям, в лучшем случае остается лишь зевать.

– Это борьба общества, которое хочет освободиться от старых оболочек, стремится найти путь к процветанию, свободному и окрыленному, на самом широком пространстве.

– Ошибаешься! Это последнее усилие дряхлого старца, который хочет вернуться к жизни. Старый потасканный народ! У вас не осталось ни одного из тех примитивных инстинктов, которые ведут к великим открытиям и являют гению новые горизонты познания; вас постоянно преследует жажда перемен, которая свидетельствует о неблагополучии, до которого вы довели общество, вы заново строите свою жизнь из обломков того, что разрушили, вы придумываете религию с верой в Высший Разум⁷ вместо поверженного Христа; вы ломаете спиритуалистическую философию с помощью Мальбранша, которого в свою очередь убивает Вольтер; придумываете новую аристократию взамен той, что выкосил девяносто третий год; переписываете живопись в стиле рококо, который затем стыдливо изгоняется любителем античности Давидом⁸; наконец вы, короли моды, вы заимствуете вашу архитектуру, мебель, моду у архитектуры, мебели, моды прошлых столетий, освищенных двадцать лет назад. Если вам удастся еще родить какую-нибудь животворную идею, то только чтобы сорвать ее цветы, а затем, едва она достигнет зрелости, сказать: «Ты стара и потрепана». И вы мните себя сильными среди этой дряхлости, плохо переписанной и плохо замазанной; изнуренный народ, воистину изможденный старикашка, которому требуются или юные дети и их девственность, или престарелые куртизанки и их поцелуи, пропитанные белилами и румянами. Фу!

Дьявол выпустил такое огромное облако красного и пылающего дыма, что Луици в ужасе попятился.

Назавтра местные газеты департамента Луаре⁹ сообщили о необычайной вспышке света на горизонте: сначала думали, что загорелась какая-то ферма, но затем местные астрономы объяснили, что свет происходил от северного сияния, описание которого они направили в Ака-

⁶ Последний довод (*лат.*).

⁷ ...вы придумываете религию с верой в Высший Разум... – В период Французской революции некоторые ее руководители предложили создать культ Разума, установили статую богини Разума на площади Бастилии и 10 августа, а затем 10 ноября 1793 года устроили праздники в ее честь.

⁸ ...вы ломаете спиритуалистическую философию с помощью Мальбранша... рококо... изгоняется... Давидом... – Спиритуалистическая философия – идеалистическое учение о мире как проявлении божественной сущности, признание независимого от тела существования души. Мальбранш Николя (1638–1674) – французский философ-оказионалист и теолог; Вольтер резко критиковал идеалистические представления Мальбранша в трактате «О душе» (1774). Давид Жак-Луи (1748–1825) – французский художник, глава революционного классицизма во французской живописи, продолжавший успешно писать картины в эпоху Империи.

⁹ Луаре – один из департаментов центрального региона Франции, административным центром которого является г. Орлеан.

демию наук, чтобы там зарегистрировали этот феномен в списке всех северных сияний, кои наблюдались до настоящего времени.

Оживленная болтовня Дьявола, к счастью, отвлекла Луицци от мыслей об опасности, которой подвергала себя юная нищенка; он задумался, как исполнить обещание, данное Леони через маленькую посредницу, когда услышал вдалеке стук дилижанса, идущего из Орлеана.

Луицци остановился и, как только экипаж подъехал достаточно близко, громко спросил, есть ли свободное место. Против всякого ожидания, дилижанс остановился, кондуктор спустился вниз и сказал:

– Садитесь скорее наверх, на империал.

Барон быстро взобрался на второй этаж дилижанса и тут заметил, что Дьявол уже опередил его.

Луицци, несомненно, прогнал бы его прочь, но третий пассажир, сидевший на империале, заговорил звучным голосом.

Глава II

Поэт артистичный, велеречивый и современный

– Господин Луицци, возьмите, пожалуйста, шарф, прикройте голову, я вижу, вы забыли вашу шляпу в Орлеане.

Барон удивился, услышав, что к нему обращаются по имени. Он попытался разглядеть говорившего и в предрассветных сумерках, сменивших ночную тьму, увидел молодого человека двадцати восьми – тридцати лет, бледного и худого, с остренькой бородкой и длинными, спутанными волосами, изысканно обрамлявшими благородные, но изможденные очертания красивого лица. Молодой человек, заметив внимание Луицци, сказал несколько высокопарным тоном:

– Вы не узнаете меня, господин Луицци? Однако мы виделись не так уж давно. Но за это время, которое в вашей жизни, возможно, равнялось нескольким годам, моя жизнь почти закатилась. Мысль больше и быстрее, чем страсти и горе, опустошает человека. Это пылающее зеркало, в котором сходятся все чувственные лучи человеческого существа, чтобы сотворить в своем отражении то всепожирающее пламя, которое зовется гением. Вот почему во всех моих книгах я всегда писал вместо слова «рефлексия» слово «рефлекс»¹⁰, чтобы все понимали, что духовный процесс творческого горения совершенно аналогичен материальному процессу всеразрушающего огня.

– Хорошо, хорошо, очень хорошо, – тихо пробормотал Дьявол, бросив покровительственный взгляд на юношу и одобрительно кивнув головой.

– А! – сказал Луицци. – Так вы писатель.

– Я поэт.

– Вы сочиняете стихи?

– Я поэт.

– И вы меня знаете?

– Да, я знаю вас, – юноша говорил нараспев, – и мнится мне, что странная судьба толкнула нас друг к другу при обстоятельствах, в коих только вы один понимали меня и только я один понимал вас.

– Очень хорошо, очень хорошо! – повторил Дьявол, тогда как барон пытался понять, кто этот человек, который знает его.

– Простите, – сказал Арман, – но я, к сожалению, запомнил обстоятельства и место, где мы встречались, будьте любезны, напомните, где я имел честь видеть вас.

– Все, что я могу вам сказать, – незнакомец скандировал каждую фразу в совершенно особенной манере, – это то, что я был в опасности, когда вы видели меня, и что вы были в опасности, когда я видел вас. Я сказал себе тогда: «Этот человек пришел тебе на помощь, и однажды ты протянешь ему руку». И слово, которое я дал себе, я сдержал. Проезжая через Орлеан, я подслушал один разговор, речь шла о женщине, похищенной мужчиной, о том, что женщина арестована, а мужчина сбежал. Предчувствие, одно из тех предчувствий, кои заставляют поверить в прозорливость души, подтолкнуло меня, я спросил, как зовут мужчину, и услышал в ответ ваше имя. Тогда я сказал себе: время пришло, несомненно, вскоре подвернется и случай; ибо дела человеческие не ставят пустых посылок, каждое имеет свои последствия. Я не мог услышать ваше имя и не понять, что вскоре встречу с вами: это перст судьбы,

¹⁰ ...я всегда писал вместо слова «рефлексия» слово «рефлекс»... – то есть намеренно смешивал психологический процесс размышления с физиологической реакцией организма на те или иные внешние воздействия.

которая предупреждала меня о грядущем. Поэтому я все время смотрел вокруг с высоты этого экипажа, и, когда я увидел человека на краю дороги, с непокрытой головой в прохладе ночи, я сказал себе: «Вот он!» И тут же велел кондуктору: «Остановись, вот человек, которому я должен вернуть долг», – и он остановился, как вы видели, и теперь мы квиты, барон де Луицци.

Арман слушал эту тираду раскрыв рот, ловя каждое слово, тогда как Дьявол сопровождал каждый поворот речи легким покачиванием головы и закончил восхищенным полуобмороком, прошептав:

– О! Хорошо, хорошо, хорошо! Очень хорошо!

Что до Луицци, то ему понадобилось некоторое время, чтобы нащупать немного смысла в этом потоке слов. Он совершал работу, похожую на работу, например, Мюзара, ищущего мелодичный мотив в сложном шуме оперы Мейербера¹¹. Луицци удалось лишь приблизительно догадаться, что имел в виду поэт. Луицци из-за усилий, потраченных им, чтобы понять поэта, еще сильнее загорелся желанием узнать, кому он обязан за оказанную услугу. Барон сказал молодому господину:

– Я премного вам благодарен за добрую волю и заступничество в подобной ситуации. Но не могли бы вы открыть, кому я обязан и благодаря какому событию я стал обязан.

– Хи, хи, хи! – прохихикал Дьявол, услышав эту витиеватую фразу. – Неплохо, неплохо!

Луицци не успел удивиться этой неожиданной поддержке, так как поэт продолжал все тем же напевным и гундосым речитативом:

– Вы узнаете, вы все узнаете. Время и место, в котором вы все узнаете, приближаются, есть местечко, где я открою вам тайну нашей первой встречи: оно послужит комментарием моим словам. Оно осветит их ярким светом, им подобающим: тогда вы узнаете меня с головы до пят.

Что-то начало проясняться, Луицци принялся вспоминать, кем мог быть этот человек, которого случай и Дьявол поставили на его пути, чтобы вырвать из трудного положения. В самом деле было вполне вероятно, что без них кондуктор дилижанса не захотел бы подбирать на дороге человека без паспорта и, более того, без шляпы, поскольку отсутствие оной является неоспоримым свидетельством бегства и преступления. Человек может быть без сорочки, без чулок, без ботинок и не вызывать никаких подозрений; но нет ни одного служителя порядка, который не сочтет себя вправе остановить человека без шляпы. Шляпа есть первая гарантия личной свободы. Дарю этот афоризм всем шляпникам.

Память Луицци отказывалась ему служить. Поэт заметил, чем занят барон, и снова заговорил:

– Не трудитесь, так как вы можете вспомнить, а если вы вспомните, то мне нечего будет вам сказать.

– Прекрасно! Прекрасно! – шептал Дьявол.

– Нет, – решил поэт, – больше я вам ничего не скажу, поскольку вы все равно меня не поймете.

– Напротив, – возразил Луицци, – мне кажется, мое воспоминание не может повредить вашим откровениям.

– Ошибаетесь, так как вы представите себе человека, которого вы знали или которого вы считали, что знаете, и вы будете судить о нем в соответствии с вашим представлением, а не его.

¹¹ ...например, Мюзара... Мейербера. – Мюзар Филипп (1793–1859) – музыкант, дирижер, устроитель балов и сочинитель танцевальной музыки. Первым придумал давать концерты под открытым небом (так называемые концерты-променады), устраиваемые им балы в Опере и в театре «Варьете» пользовались большой популярностью. Современники ценили его за необычайную мелодичность собственных сочинений и умение выделять мелодию из самых сложных музыкальных произведений других композиторов. Мейербер Джакомо (наст. имя Якоб Либман Бер; 1791–1864) – французский композитор, пианист, дирижер. Основоположник жанра «большой оперы» во Франции, Мейербер получил огромное признание у публики после постановки «Роберта-дьявола» (1831) и еще большее – после «Гугенотов» (1836). Однако его упрекали порой за то, что он, в отличие от Мюзара, не был «мелодистом».

И потому, когда он скажет вам: «Вот кто я есть», ваша мысль, болтающаяся между вашими измышлениями и действительностью его жизни, на одно мгновение повиснет между ними, а затем падет в сомнение, эту глубокую пропасть, на дне которой барахтается наш век.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.